

Чёрные тучи нависли над городом, снег кружился в воздухе. Гу Мо во главе отряда мчался на лошади к воротам города.

Время смуты, повсюду пылала войны. На полях сражений реки крови, повсюду валялись тела. За пределами битв люди теряли свои дома, семьи погибали. Но земля, которую отчаянно защищали храбрецы, оставалась спокойной, как будто ничего не происходило. День сменялся ночью, зима приходила на смену лету.

Эта зима не была холоднее прошлых, снег не был обильнее. Но сколько людей замёрзнет этой зимой — никто не знал.

Небо и земля беспощадны.

На границе идут бои, а простые люди, что им сделали? И вот они столкнулись с этой лютой зимой.

Гу Мо не ненавидел зиму, но в другие времена года беженцы могли выжить, имея хоть немного еды. Если повезёт, после войны их могли устроить на новом месте. Но зимой каждый день уносил жизни многих. В каждом городе по утрам тележки вывозили груды тел на свалку. Окрестности городов были усеяны трупами, зрелище ужасающее.

Беженцы покидали родные края — кто по принуждению, кто в поисках родни, — всё ради того, чтобы выжить. Но где была эта спасительная дорога? На каждом шагу вдоль дорог лежали тела тех, кто замёрз или умер от голода.

Сколько бы раз Гу Мо ни бывал на войне, он не мог смириться с гибелью мирных жителей. Но таковы были времена, и всё, что он мог сделать, — это выполнять свои обязанности.

Впереди был уезд У. Это небольшой городок на севере, типичный для северных земель. У ворот города виднелись дома, некоторые уже образовали улицы. Вдали казалось, что жизнь здесь спокойна и размеренна.

Это были усадьбы богатых горожан, построенные за городом. Со временем они слились в одно целое, и летом здесь устраивались небольшие ярмарки.

Гу Мо прожил в уезде У семь или восемь лет, и за это время город почти не изменился. Когда он приехал и уезжал, была поздняя весна, и вид цветущей природы за городом до сих пор стоял перед его глазами, оставляя неизгладимое впечатление.

.....

В те времена на ярмарках уезда У иногда можно было встретить мастеров, выдувавших сахарные фигурки. За две монетки можно было купить маленькую свинку, и Цзинцю радовался ей несколько дней.

Тогда семья была бедной, и Цзинхэ сначала работал подмастерьем в лавке, а потом, став учеником, получал пятнадцать монет в месяц. В конце каждого месяца, двадцать седьмого числа, он заканчивал работу пораньше и тайком уводил Цзинцю на ярмарку за городом. Если встречался мастер, он покупал брату сахарную свинку.

Возвращаясь домой, они прятались от других братьев, тайком пробираясь в свою комнату. Сахарную свинку они прятали, но радость на лицах была не скрыть, и они то и дело поглядывали на неё. При этом старались выглядеть так, будто у них нет никаких секретов.

Цзинцю потом ещё полмесяца ходил счастливый. Иногда ночью вставал и тихонько пробирался к месту, где спрятал свинку, чтобы лизнуть её. Только один раз, больше не решался.

Чаще всего Цзинцю не решался сам лизнуть. Братья тайком переглядывались, заходили в комнату и торжественно доставали свинку. Цзинцю обязательно хотел, чтобы Цзинхэ сначала лизнул, а потом уже сам радостно прикивал к ней.

Всё потому, что однажды Цзинцю случайно обнаружил, что Цзинхэ никогда на самом деле не лизал свинку, а только делал вид, чтобы порадовать брата. Цзинцю даже плакал из-за этого.

Прошло уже более трёх лет с тех пор, как Цзинхэ ушёл.

Он сам покинул эти места три года назад.

Тогда ярмарки в уезде У были действительно оживлёнными.

Женщины, продающие фрукты, девушки с цветами, все они тихо зазывали покупателей, используя характерный диалект уезда У. Их голоса были такими нежными, будто они боялись напугать цветы.

Однажды здесь даже выступал дрессировщик обезьян, с барабанами и гонгами, создавая шум и веселье. Цзинхэ водил Цзинцю на это представление. Цзинцю с детства не видел кнута, а дрессировщик всё время щёлкал им так громко. Цзинцю, видя, как обезьяны кричат от боли, плакал, и даже сахарная свинка не могла его утешить. Несколько ночей подряд он плохо спал, и его приходилось укачивать.

Уезд У был удалённым и бедным, не то что столица Юньань, здесь не было строгих правил. На улицах часто можно было увидеть девушек в шляпах с вуалью, окружённых служанками, которые выходили посмотреть на что-то новое.

.....

Но с началом войны всё это исчезло. Повсюду шла мобилизация и сбор продовольствия. С потерей каждого города на фронте погибали тысячи людей, и большинство из них были старики, женщины и дети, зрелище ужасное. Северные варвары были жестоки, западные — алчны и похотливы. Они сговорились, совершая чудовищные злодеяния, которые просто вызывали отвращение.

Те, кому удалось выжить, либо вступали в армию, либо становились беженцами с детьми на руках. Но часто они не могли уйти далеко, и чтобы выжить, продавали своих детей. Каждый человек, каждая семья могли бы рассказать свою печальную историю, но сейчас... ох!

Когда закончится эта война — никто не знает.

Простые люди не разбираются в вопросах престолонаследия, не знают, что такое законность или беззаконие, не понимают, что такое внутренние распри или внешние враги. Они только знают, что идёт война. Сначала армии их страны сражались друг с другом, а потом вторглись чужеземцы. Сражались с ними, проиграли, потеряли много городов, погибло много людей. Независимо от того, рухнула ли страна, многие потеряли свои дома.

Повсюду бродят беженцы, и чтобы выжить, некоторые из них превращаются в «бунтовщиков», они грабят и убивают, иногда становясь даже хуже варваров.

Это жестоко, но братья из императорской семьи убивают друг друга, а страдают простые люди, теряя свои семьи.

Как говорится, «смотришь на гору, а до неё бежать и бежать». Именно так обстояли дела сейчас. Гу Мо и его отряд увидели уезд У в полдень, а к вечеру только подъехали к воротам.

Гу Мо знал, что все дома за городом теперь пусты и разрушены. В них жили беженцы и нищие, настоящие несчастные. У этих людей не было ни домов, ни земли, и они мечтали лишь о миске каши и крыше над головой.

У ворот города кто-то поднял пропускной знак, и стражники пропустили их. Перед тем как войти в город, Гу Мо ещё раз взглянул на дома, где жили беженцы. Неподалёку от них стоял навес, где раздавали кашу. Несколько нищих, завернувшись в одежду, лежали у котла, видимо, пытаясь согреться.

Гу Мо хотел было приказать своим людям завтра раздавать кашу и лекарства, но потом подумал, что сейчас повсюду война и беженцы. Можно помочь на время, но не навсегда. Он сам приехал за провизией для армии, как может отдавать её другим?

Люди... Порой думаешь, что все равны, и это действительно так.

Будь ты принц или аристократ, будь ты мудрец или воин, каким бы выдающимся ты ни был, всё, что тебе нужно для жизни, — это еда и кров. Без этого никто не избежит смерти. Зачем тогда бороться, грабить, воевать? В конце концов, всё превратится в прах.

Эти мысли приходили ему в голову, но говорить о них было нельзя.

Когда-то он делился ими с братом Гу Фэном.

Гу Фэн сказал ему, что человек может быть умным, ловким, проницательным. Но лучше не видеть слишком много. Если всё увидишь, поймёшь и скажешь, жизнь потеряет смысл, лучше уйти в монахи.

Мог ли Гу Мо стать монахом? Нет. Когда-то у него были Цзинхэ и Цзинцю, и пока они были рядом, он должен был дать им дом. Теперь же он должен вести войска, сражаться с северными варварами, потом с западными, изгнать их с земли Великой Ю, чтобы люди могли жить в своих домах.

Вечером он остановился в резиденции уездного начальника. В уезде У сейчас было мало солдат, но много провизии. С провизией всё было проще. Гу Мо лёг, достал из кармана нефритовую подвеску и стал водить по ней пальцами. Подвеска была маленькой, шириной в два пальца и длиной в два дюйма, не лучшего качества, с выгравированными иероглифами «Цзинхэ».

Гу Мо закрыл глаза, будто заснул.

Две слёзы медленно скатились по его щекам и исчезли в волосах.

На следующее утро Гу Мо встал до рассвета и начал тренироваться с копьём.

Его мастерство было впечатляющим. Но он был рассеян, движения были небрежными, и вскоре он покрылся потом, чувствуя себя раздражённым. Как будто подчиняясь какому-то внутреннему порыву, он вышел из резиденции.

<http://bllate.org/book/16674/1529190>